

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

СЛОВО ПРАВДЫ ЧЕРЕЗ ФРОНТ

ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ЛИТЕРАТОРА-ПРОПАГАНДИСТА

1

Применение слова для воздействия на умы и души солдат противника впервые в истории стало планомерным и систематическим только в годы первой мировой войны. Тогда в английских и немецких штабах были созданы особые управления «психологической войны», предусмотрены специальные фонды для издания листовок, для изготовления плакатов, которые устанавливались над траншеями...

С началом гражданской войны у нас, в борьбе против иностранных армий, наступавших на молодую Советскую Республику, слово революционной пропаганды стало одним из важнейших родов оружия, в иных случаях даже решающим. Возникновение солдатских советов в частях немецких оккупационных войск на Украине, восстание на французских военных кораблях в Одесском порту, бой против чехословацких легионов, выступавших в союзе с белогвардейцами, подавление эсеровских мятежей и многие другие события той поры, в том числе собственно военные операции против белых армий и частей интервентов, как правило, сопровождались распространением специальных листовок, брошюр, воздействием живого слова агитаторов...

Среди воинов революционного слова были такие умелые, талантливые и отважные пропагандисты, как великий чешский писатель Ярослав Гашек, старый большевик Дмитрий Захарович Мануильский, французская коммунистка Жанна Лябурб, польские революционеры Феликс Кон и Юлиан Мархлевский и многие другие...

В последующие годы во всем мире разрабатывались как стратегические и тактические планы, так и технические средства и приемы будущей «войны идей и нервов». Их строили, исходя из опыта истории, предвидя значительный рост численности массовых армий, перспективы тотальных мировых войн. Активнее всего специалистов и технику «психологической войны» готовили в Англии и в гитлеровской Германии.

Перед Отечественной войной штатным расписанием Красной Армии были предусмотрены в Политуправлениях фронтов отделы «по работе среди войск и населения противника» и редакции фронтовых газет на немецком и японском языках, а в политотделах дивизий — специальные инструкторы. Существовала и специальная техника — главным образом «мощные говорящие установки» (МГУ), установленные на автобусах.

Но с началом военных действий и на этом роде оружия сказались характерные особенности сталинских организационно-административных и пропагандистских методов: прежде всего сугубая централизация и связанная с этим неспособность по-настоящему изучать и учитывать,

насколько наша пропаганда действительно воспринимается и какое впечатление производит на тех, к кому обращена.

Типичный для всей идеологии культа *монологизм*, — нежелание и неумение слушать какие бы то ни было возражения или, упаси боже, как-то учитывать чужие взгляды, настроения, предрассудки и т. п., — оказался крайне вреден, когда нужно было обращаться как раз к совершенно чуждым читателям и слушателям — к солдатам гитлеровских войск.

В первые два-три месяца войны содержание и направление всей этой пропаганды фактически полностью определялось в едином центре, в ГлавПУРККА, которым тогда руководил Л. Мехлис — человек столь же энергичный, сколь и вздорный, тем более решительный, чем менее компетентный, обладавший разнообразными, но поверхностными знаниями и самоуверенный до самодурства.

Кадры 7 управления ГлавПУРККА, которое ведало пропагандой среди войск противника, были к счастью достаточно разнородными. Правда, начальник управления полковник (в конце войны генерал-майор) Бурцев был еще более невежествен, чем Мехлис, — хотя зато и менее самоуверен, — но с лета 1942 г. работой управления руководил непосредственно Д. З. Мануильский, знающий, опытный пропагандист, озабоченный действительной эффективностью нашего оружия слова. И нужно отдать справедливость Бурцеву, он все же не слишком мешал работать наиболее толковым и дельным из своих подчиненных, таким, как полковники Сапожников (к концу войны генерал-майор), Брагинский, Тюльпанов, подполковник Селезнев и др.

В начале войны ГлавПУРККА поставлял на все фронты миллионы листовок, среди которых, наряду с удачными, даже талантливыми, — например, листовки со стихами Вайнерта, — были едва ли не в подавляющем большинстве просто переводы сводок нашего Информбюро и даже фельетонов Эренбурга. В некоторых сводках сообщалось об уничтожении таких немецких дивизий и полков, которые в действительности продолжали существовать. Немецким солдатам это менее всего могло внушить доверие к нашей пропаганде, так же, как листовки о «случных пунктах», якобы созданных ээсовцами по всей Германии, и фельетоны, высмеивающие немцев как нацию.

С сентября 1941 г. было разрешено выпускать листовки Политуправлениям фронтов. Год спустя, к лету 1942 г., это разрешение распространили и на армии. Осенью 1941 г. появились у нас и сравнительно портативные окопные говорящие установки (ОГУ или «звучовки»), число их росло, и тексты звукопередач естественно стали создаваться на местах.

Правда, еще долго, почти до конца войны, в ГлавПУРККА продолжали изготавливать листовки, фотогазеты, пластинки для звуковых передач. Но в связи с ростом числа пленных и перебежчиков качество этих «централизованно производимых» пропагандистских материалов значительно улучшалось. Впрочем по мере того как расширял свою деятельность «Национальный Комитет Свободная Германия», уменьшался их удельный вес и понижалось их значение в общем все усиливающемся пропагандистском наступлении на умы и души немецких солдат.

Но зато непрерывно возрастало, вплоть до самых последних дней войны, значение конкретной разъяснительной и призывной пропаганды, которая велась непосредственно на фронтах. Листовки и газеты, выпускаемые тут же, по горячим следам боев, на основе только что захваченных документов или показаний перебежчиков и пленных, листовки, обращенные к определенным частям, к определенным людям, — нередко их называли поименно, — и такого же рода звуковые передачи из окопов, или прямые переговоры с помощью трофейных радиц, с каждым месяцем и годом войны становились все более действенными.

На первых порах некоторые ограниченно мыслящие или недостаточно опытные командиры еще повторяли дешевый каламбур: «От снарядов противник лучше разлагается, чем от листовок» или сердито доказывали, что «в этой войне агитацией ни одного боя не выиграли».

Однако разумные военачальники все больше убеждались, что решающее условие победы — взаимодействие всех родов оружия — применимо и к оружию слова. Ни одна крупная боевая операция не могла быть осуществлена только пехотой, только танками, только артиллерией или только авиацией и, разумеется, только пропагандой... Но в частных, местных боевых действиях уже в первую осень и первую зиму войны наша пропаганда приносила вполне реальные плоды. Прежде всего на тех участках фронта, где против нас действовали такие, например, немецкие соединения, как 123 пехотная дивизия (Берлинская), 8 егерская (Силезская), 325 пехотная (Вестфальская), испанская «Голубая дивизия» и некоторые другие части, которые поставляли наибольшее число перебежчиков и добровольно сдавшихся в плен солдат.

Зимой 1942/43 г. в боях за Сталинград и за Великие Луки, где впервые бок о бок с нами на передовой работали немецкие антифашисты, применение печатной и устной пропаганды стало одним из необходимых элементов в решении серьезных тактических задач.

В боях на Курской дуге летом 1943 г. среди перебежчиков были уже не только рядовые и унтер-офицеры, но и офицеры немецких кадровых частей.

В Белоруссии летом 1944 г. наши агитгруппы вызывали из лесов сотни и тысячи перебежчиков, зимой 1944/45 г. в северной Польше, в боях за Рожан, Торунь, Грудзёндз наши листовки, звуковые передачи и агитаторы-антифашисты, подготовленные нами из недавних военнопленных, решающим образом ускорили и облегчили разгром крупных гарнизонов противника, спасли жизнь тысячам немецких солдат, добровольно сдавшихся в плен, и тысячам наших бойцов, которым не пришлось штурмовать укрепленные вражеские позиции*.

Оружие слова, непосредственно воздействующего на рассудок и душу противника, крепло и совершенствовалось в боях так же, как и все другие роды нашего оружия. Мы лучше узнавали действительные настроения немецких солдат и населения в тылу, действительные особенности мирно-восприятости, психологии, обычаев и нравов тех, к кому обращались. Мы научились писать и говорить, видя и понимая то, что действительно есть в их умах и душах, а не исходя из заданных догматических схем, из произвольных представлений о том, какими они якобы «должны быть»... Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целеустремленно конкретизировать ее, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии...

Заметно улучшались и чисто литературные качества наших листовок, газет, звукопередач на немецком, венгерском, румынском, итальянском и других языках. Они становились интересней, занимательней, выразительней: конкретные аргументы вытесняли общие декларативные призывы; непринужденная разговорная речь, содержание которой предусматривало возможные сомнения и возражения, все чаще заменяла голословную монологическую риторику. Возникали всё новые жанры: обзоры писем, очерки, сатирические, эпические и «элегические» стихи, фотоочерки, пародии, серьезные и шутливые диалоги и т. п.

* Здесь названы, главным образом, те примеры, которые автор этих заметок, находившийся на Северо-Западном — 2 Белорусском фронте, либо непосредственно наблюдал, либо хорошо знает по рассказам участников. В действительности их было значительно больше.

«ГЕРМАНИЯ В „КОТЛЕ“»

Листовка для немецких солдат.
Автор текста — В. В. Вишневский,
29 мая 1943 г.

Архив комиссии по литературному
наследству В. В. Вишневского при
Союзе советских писателей, Москва

DEUTSCHLAND EINGEKESSELT

Die Absicht Hitlers, seine Gegner mit überraschenden, ungestüm aufeinanderfolgenden Schlägen im Laufe von 2 Jahren—1939—1941—mit-
derzuwerfen, ist gescheitert.
England hielt 1940 den Angriffen der Luftwaffe und der U-Boote stand.
Russland hielt 1941 und 1942 dem ungeheuren Anprall von 240 Di-
visionen Hitlers stand.
Als Antwort auf den trüben Überfall sind im Dezember 1941 auch
die USA in den Krieg eingetreten.
Derzeit—im Sommer 1943—haben sich gegen Deutschland und
seine schwachen Verbündeten über 30 Staaten, mit Russland, England
und den USA an der Spitze, vereinigt.

Наша пропаганда расширялась, совершенствовалась, последователь-
но усиливалась ее действенность. Все это в немалой степени определялось
работой профессиональных квалифицированных литераторов.

Многие советские писатели разных поколений стали на фронтах ин-
структорами («по работе среди войск противника»). В 1942—1943 гг. в соответ-
ствующих отделах Политуправлений фронтов были созданы редакцион-
но-издательские отделения и в них так же, как в Политотделах армий,
были установлены особые должности инструкторов-литераторов.

Среди политработников, которые непосредственно сражались против
фашизма оружием слова, — убеждающим, разящим, зовущим словом, —
были писатели всех «цехов» — прозаики, поэты, драматурги, критики,
публицисты, переводчики, литературоведы. Называю здесь лишь тех,
кого помню: В. Адмони, И. Айзеншток, И. Анисимов, И. Вайсфельд,
И. Верцман, Вс. Вишневский, А. Гатов, А. Довженко, И. Дьяконов,
А. Дымшиц, Б. Заходер, В. Левик, Ф. Левин, Ю. Нагибин, В. Розанов,
Б. Слуцкий, И. Фрадкин, И. Чичеров, А. Штейнберг, Д. Щеглов, Е. Эт-
кинд и др.

С августа 1941 г. я был на Северо-Западном фронте, там в Политуправ-
лении фронта и в Политотделах 11, 34, 53, 1 ударной и других армий уже
в первый год возник дружный творческий коллектив пропагандистов,
опытных «фрицеведов», как их шутя называли товарищи. Мне посчастли-
вилось быть участником этого замечательного содружества, объединяв-
шего представителей разных краев и республик, разных профессий и
разных поколений.

Здесь были москвичи-литераторы — Герасим Бандалин, Иван Чиче-
ров, Илья Фрадкин, Вильгельм Левик; историки — Галина Хромушина,

Яков Драбкин, Даниил Давидович; экономисты—Анатолий Воинов, Лев Дубровицкий; журналисты — Абрам Ледер, Вильгельм Мартенс, Адольф Эдер; инженер Виктор Сборщиков; радиодиктор Владимир Герцик; ленинградцы: филолог Юрий Маслов; историк Николай Янцен; художник Иван Харкевич; партийный работник Отто Беллер; педагоги Михаил Каяйкин и Серафим Макаров; кадровые офицеры Анатолий Марков и Григорий Раков; харьковчанин — филолог Виктор Бабенко; минчане: кадровый офицер Арнольд Гольдштейн, фотограф Борис Шебашов; ереванец — ботаник Григорий Сааков; комсомольский работник из г. Энгельса Генрих Эллер; крымчак — студент-филолог Андрей Колегаев; рижане — историк Юрий Ватер, журналист-литератор Дмитрий Вульфсон, студент-экономист Леон Лурье; варшавянка — журналистка Берта Мирская.

Основное ядро этого коллектива потом перешло на 2 Белорусский фронт, где в него включились ленинградец-физик Иван Рожанский, москвичи: филолог Вера Соловьян, экономист Леонид Шварц, художник Вадим Кузьмин.

Здесь названы только наиболее активные и непосредственно творческие работники, создававшие листовки, газеты, плакаты, звуковые передачи, воспитывавшие из вчерашних солдат вермахта сознательных антифашистов.

Издания и звуковые передачи Северо-Западного фронта отличались разнообразием жанров, стилей, литературных форм, остроумных пропагандистских приемов, основанных на постоянном пристальном изучении адресатов.

Как именно это делалось?

Вот один из самых ранних примеров.

13 сентября 1941 г. в бою был убит ефрейтор 32 пехотной дивизии Эрхардт Шредер. В кармане его куртки была записная книжка-дневник и недописанное письмо к невесте.

Мы составили листовку, точно воспроизведя выдержки из дневника и письма Шредера.

«Дневник.

22.6. Утро, 3.05. Вступаем в Россию (Литва). К полудню погиб один лейтенант и один из солдат приданных нам самоходок.

24.6... У нас много раненых и убитых.

25.6... В 3 роте 1 батальона 70 убитых и раненых.

9.7... У нас очень большие потери во 2 роте — 3 убитых, 12 раненых... за этот день полк потерял 16 офицеров, 182 рядовых.

14.7. Всё время бои и потери.

21.7. Всё еще сидим в грязных норах, настроение уцелевших прямо-таки плохое. Весь божий день русские глушат артиллерией. Это страшно действует на нервы.

17.8. Это был, пожалуй, наихудший день для батальона за все эти войны.

19.8. Были очень тяжелые для нас дни... В батальоне ужасающе большие потери... (следует список убитых товарищей) в нашем взводе всего 17 человек, но это вместе с остатками 1 взвода. Уже 10 дней мы не умывались, за 8 недель я только раз сменил белье. Это уже не по-человечески. Когда же нас наконец сменят и выведут из этого дерьма? Вероятно, когда уже всех уничтожат...

30.8. Сегодня ночью нас должны были сменить. Но мы не ощущали той радости, которой ждали... Теперь оказывается сегодня ночью мы должны продолжать наступать. Выглядит так, словно нас хотят систематически гнать на смерть»

ПЛЕННОГО НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА ВЕДУТ В ШТАБ ФРОНТА

Слева — генерал Р. Бамлер, справа — Л. З. Копелев

Фотография. 2 Белорусский фронт (район Могилева), 29 июня 1944 г.

Собрание Л. З. Копелева, Москва

Генерал-лейтенант Рудольф Бамлер — зав. Восточным отделом Разведывательного управления Генштаба вермахта, позднее — начальник оккупационных войск в Норвегии, с мая 1944 г. — командир 12 (Северо-Германской) гренадерской дивизии. Впоследствии — член «Национального комитета Свободная Германия», профессор истории в ГДР

Письмо к невесте, помеченное 13.9, осталось недописанным. Вот оно:
«Россия, 13.9.1941 г.

Дорогая Мэди!

| Сегодня я получил очень печальное известие. 2 часа тому назад погиб Вернер Мейер. В 7 часов мы начали атаку, и Вернер выехал вперед с одним лейтенантом. Дорога была заминирована, и Вернер с лейтенантом наехали. Оба разорваны в клочья. Мотоцикл также совершенно разбит. Я несколько минут молча думал о своем друге. Никак не могу уяснить себе этого. Ведь только вчера мы с ним ехали! Он мне еще дал хлеба и сигарет. Вот и опять меньше одним товарищем. Вигант ранен в голову. Карл Юсдорф тоже ранен в голову и, кажется, тронулся в уме. Теперь нас осталось только 2! Ганс Грон и я. Кто знает, надолго ли? Позавчера мы потеряли 82 человека за 2 часа. От нашего гордого батальона осталась только маленькая кучка. Мы сейчас вышли на железнодорожную линию Москва — Петербург в районе Валдайских высот. Кто знает, сколько это еще продлится!

...Война эта жестока, и еще многие найдут свой последний покой в России. Ведь я еще тоже не вернулся домой. В эту атаку я должен идти снова во главе моего отделения... Затишье окончилось, и атака продолжается. Прости за почерк, но я писал в труднейших условиях. Твою милую открытку и письмо с открытками я получил с сердечной благодарностью. Очень сердечно...»

Все это мы напечатали листовкой. Воспроизвели в ней снимок: ефрейтор Шредер с другом за бутылкой вина. Снабдили коротким примечанием:

дескать, судите сами, что сулит война, насколько действительность похожа на официальные сводки и корреспонденции. И в заключение вывод: единственное спасение для вас — плен.

В декабре 1941 г. был издан рождественский номер фронтовой газеты «Друг солдата» — двухкрасочный, с шапкой на первой странице: «Требуйте рождественского отпуска!», «Требуйте смены вашей части». Эти требования были основаны на том, о чем действительно ежедневно мечтали, говорили, спорили немецкие солдаты. В коротких простых стихах сопоставлялись обещания гитлеровцев и реальные рождественские «подарки», т. е. декабрьские поражения немецких армий. На других страницах — сообщения с фронтов, из Германии, снимки освобожденного Красной Армией г. Калинина и в заключение страница юмора в стихах и прозе. Примеры: телеграмма Роммеля генералу Шмидту: «Поздравляю планомерным очищением Тихвина завидую вам мы драпаем сорокаградусной жары». Шмидт — Роммелю: «Завидую отличной летней погоде вынужден отступить тридцатиградусном морозе по метровому снегу».

В рождественских звукопередачах тогда же передавали записи хоров военнопленных, исполнявших рождественские песни. Эти передачи слушались с особым вниманием.

16 армия вермахта, действовавшая против Северо-Западного фронта, издавала свою газету «Feldzeitung vom Maas bis Memel». Мы стали издавать газету такого же формата, с таким же заголовком, это представляло немецким солдатам большие возможности хранения и читать — мол, не пняли, что за издание. Для этого и шапки и заголовки статей были составлены примерно так: «Большие успехи на всех участках фронта» (чьи успехи, явствует уже из текста), «В последнюю минуту», «Чудовищные потери», «На Тихом океане», «Фюрер сказал» и т. д.

Была выпущена листовка-фотомонтаж под заголовком: «Хорошо живет немецкому солдату». Затем снимки, рисунки и короткие подписи (оформление Ивана Харкевича, тексты — коллективное творчество): «Гитлер за него думает...», «Геббельс за него говорит...», «Геринг за него ест...», «Лей за него пьет...», «Гиммлер заботится о порядке и спокойствии...» — «Так что солдату больше ничего не остается, как умереть смертью героя». На обороте краткий обобщающий текст под шапкой: «10 лет власти Гитлера = 6½ лет подготовки к войне + 3½ года войны» и «Пропуск в плен».

По образцу гитлеровских военных словариков была сделана небольшая четырехстраничная «книжца». На титульном листке: «Русский язык для солдат. 12 самых необходимых выражений». Внутри в немецкой транскрипции даны такие слова и фразы: «Товарищ», «Я в русский плен», «Сдаюсь», «Не стреляй» — это для встреч с солдатами, а для встреч с гражданским населением предусмотрены такие обороты: «Спрячь меня», «Скажи русским солдатам, что я сдаюсь», «Возьми мою винтовку, веди меня в плен», «Я не хочу воевать», а также «есть», «пить», «курить» и т. д.

На последней странице завершающий вывод:

«Либо вы сами испытаете русское гостеприимство, если сдадитесь, либо ваши вдовы и сироты будут жаловаться на русскую беспощадность. Выбор зависит от вас самих».

И в заключение, разумеется, пропуск.

Чтоб солдаты легче могли запомнить самые необходимые русские выражения — «Я хочу в плен» и «Сдаюсь, товарищ, не стреляй», — они включались в простенькие немецкие четверостишия, составленные по образцу ходовых солдатских куплетов.

К 1 апреля 1942 г. были изданы две листовки такого же типа, какие распространяли немецкие «Роты пропаганды». В листовке «Приказ фюрера»

обычным языком гитлеровских речей и писаний излагался приказ: всем чиновникам и сановникам нацистской партии, СС, штурмовых отрядов и других подобных организаций, а также тыловым военнослужащим отправиться на фронт, чтобы разделить «героический труд доблестных армий». После этого короткий комментарий: «Неправда ли хорошо, если бы существовал такой приказ? Но вы сами понимаете, что это 1 апреля. В действительности вы будете погибать на передовой, а они роскошествовать в тылах. Вы погибаете для того, чтобы они благоденствовали...» и т. д.

«Фюрер в Старой Руссе». В таком же духе языком обычных нацистских газет сообщается о том, что Гитлер побывал на передовой в Старой Руссе, ел солдатскую пищу, участвовал в боевых операциях, а в заключение соответствующий комментарий.

У многих немецких солдат мы находили всевозможные талисманы, амулеты, «заговоры» и молитвы от пули, снарядов и бомб, как рукописные, так и печатные... По этому типу мы изготовляли свои прозаические и рифмованные «талисманы», — самые надежные, гарантирующие жизнь и здоровье с помощью «пропуска в плен».

Введенная в Германии перед войной система распределения продуктов и товаров по карточкам, талонам и ордерам была источником множества самых разнообразных солдатских анекдотов и шуток. Мы издали рифмованную и иллюстрированную листовку такого содержания: «Дома всё по карточкам, по талонам: еда и одежда, пеленки и саваны, хлеб и туалетная бумага... Зато солдатам хорошо — их кормят и одевают без карточек, даже бесплатно. Однако самый вкусный обед не спасет от пули, самое лучшее обмундирование не защитит от снаряда...»

Солдату нужен талон на самое главное, на жизнь.

Этот талон — пропуск в плен».

Мы издавали плакаты, листовки, фотогазеты о жизни военнопленных, о событиях на фронте и в Германии, ко всем памятным датам немецкой истории, к религиозным праздникам, в «день Матери», в «день поминовения усопших» и т. п. На Северо-Западном фронте возник тот выразительный лозунг-поговорка, который был потом принят «на вооружение» пропагандистскими изданиями всех фронтов: «gefangen — gerettet», т. е. «кто в плену — тот спасен». Эта фраза из двух слов, строем и звучанием точно соответствующая живой стихии немецкого языка как литературного, так и народного, впервые появилась в конце 1942 г. в нашей рифмованной листовке, ставшей одновременно текстом звуковых передач для окопных установок и «рупористов», которые действовали на участках наибольшего сближения передовых линий. Рифмовать такие тексты мы стали, в частности, для того, чтобы их лучше могли запомнить именно рупористы, которые в большинстве случаев не владели немецким языком, а читать с листа ночью на переднем крае или даже еще дальше впереди, где-нибудь в воронке на «ничьей земле» не так просто.

Составленный нами текст гласил:

Deutsche Soldaten!
Sterbet nicht für Nazi-Plutokraten.
Lasst euch raten:
Rettet euch selbst vom Krieg und Tod!
Gefangen — gerettet: heisst das Gebot*.

* Немецкие солдаты!
Не умирайте за нацистских плутократов.
Слушайте совет:
Сами спасайте себя от войны и смерти!
Кто в плену — тот спасен: гласит завет.

Lesen und an die Kameraden weitergeben!

WEIGERT EUCH, IN DIE FRÜHJAHRSOFFENSIVE ZU GEHEN

DEUTSCHE SOLDATEN! LANDSLEUTE!

Wir sind Söhne unseres deutschen Volkes wie Ihr. Durch das Vertrauen des arbeitenden Volkes wurden wir als Abgeordnete gewählt. Wir fühlen uns verpflichtet, zu Euch zu sprechen, da wir wissen, daß Hitler Euch in den sicheren Tod treiben will.

Hitlers Befehl zur Frühjahrsoffensive, das ist für Euch nichts anderes als das Todesurteil.

Wie oft hat Euch Hitler schon zum letzten Einsatz der Kräfte, zum Einsatz Eures Lebens aufgerufen, mit der Lüge, der Sieg sei

«ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ИДТИ В ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

Обращение к немецким солдатам, подписанное депутатами рейхстага и ландтага В. Флоринном, В. Пинком, Г. Соботкой и В. Ульбрихтом. Весна 1942 г.

Листовка. Лицевая сторона

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

У нас на Северо-Западном возник и совсем особый жанр устной пропаганды — непосредственный разговор по радио.

Гвардии капитан Д. Вульфсон, инструктор политотдела гвардейской латышской дивизии, — в прошлом участник подпольной работы латышского комсомола, — освоил трофейную рацию. Сперва он использовал ее только в боевых операциях. Он внимательно слушал радиокоманды немецких артиллерийских наблюдателей, смотрел на карту и следил, где именно рвутся снаряды и таким образом составил точную копию немец-

schon errungen, es käme nur noch auf die letzte Anstrengung an.

So belog Euch Hitler am 3. Oktober 1941, als er zur Offensive gegen Moskau aufrief. Dreihunderttausend tote deutsche Soldaten blieben auf dem Schlachtfeld. Seitdem sprechen die kriegstollen Naziführer von der unabsehbaren Dauer des Krieges. Damit gestehen sie selbst das Mißlingen ihrer Kriegspläne ein.

Die angepriesene Frühjahrsoffensive Hitlers kann daran nichts mehr ändern.

Die Vorentscheidung in diesem Kriege ist bereits gefallen, als die deutsche Armee bei Moskau eine Niederlage erlitt und das Bündnis der drei Großmächte: Sowjetunion, England und USA, geschlossen wurde. Die großen Reserven der drei Mächte kommen erst jetzt zum Einsatz, während Hitlers Reserven mehr und mehr versiegen.

Jedes weitere Opfer der deutschen Soldaten für die kriegstolle Naziclique, für die oberen Zehntausend der Kriegsgewinnler ist völlig sinnlos. Jeder weitere Kampfeinsatz ermuntert nur Hitler, den Krieg bis zum Weißbluten weiterzuführen. Das ist das Schlimmste, was geschehen kann.

Es gibt nur einen Weg der Rettung. Unser Volk muß durch die Tat beweisen, daß es mit der Hitlerclique nichts gemein hat. Jede militärische Niederlage Hitlers erleichtert unserem deutschen Volke, selbst den Krieg zu beenden, Hitler zu stürzen und einen gerechten Frieden zu erlangen.

Hitler wird fallen, aber unser Volk wird leben und Deutschland wird weiterbestehen.

WEIGERT EUCH, IN DIE FRÜHJAHRSOFFENSIVE ZU GEHEN.

Streckt die Waffen. Beendet selber den Krieg und nehmt selbst die Geschicke Deutschlands in die Hände. Dadurch sichert Ihr die nationale Existenz des Reiches.

SCHLUSS MIT DEM KRIEGE! WEG MIT DER HITLERCLIQUE!

Wilhelm Florin
Wilhelm Pieck
Gustav Sobotta
Walter Ulbricht

Wilhelm Florin,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Berlin)

Wilhelm Pieck,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Westfalen-Nord)

Gustav Sobotta,
Landtagsabgeordneter (Wahlkreis Westfalen-Süd)

Walter Ulbricht,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Potsdam II.)

DIESES FLUGBLATT GILT ALS PASSIERSCHEIN BEI DER GEFANGENGABE
ЭТА ЛИСТОВКА СЛУЖИТ ПРОПУСКОМ ДЛЯ ПЕРЕХОДА В ПЛЕН

Bei der Gefangengabe — Hände hoch, und niemand schießt auf Euch!

«ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ИДТИ В ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

Обращение к немецким солдатам, подписанное депутатами рейхстага и ландтага В. Флорином, В. Пиком, Г. Соботкой и В. Ульбрихтом. Весна 1942 г.

Листовка. Обратная сторона

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

кой кодированной карты. После этого он стал «вмешиваться в работу» вражеских батарей. Отлично владея немецким языком, запомнив все необходимые термины и некоторые собственные имена, он несколько раз ловко «заменял» в эфире настоящих артиллерийских наблюдателей и подавал команды немецким батареям так, что они подолгу обстреливали пустой лес и даже собственную пехоту... В конце концов немецкие радисты «обнаружили» конкурента, его ругали, грозили ему... Тогда он стал переговариваться с ними уже от своего имени, от перебранок переходил к разговорам «по душам» о войне, о лживости нацистской пропаганды. Немецкому командованию пришлось на этом участке усилить кадры

радиоперехватчиков и ввести в действие особые контрольные пункты, которые время от времени врываются в эфир с окриками «Выключить все аппараты!.. Не слушать!.. Вражеская пропаганда!» Опыт Вульфсона потом восприняли некоторые другие пропагандисты.

Гвардии капитан Юрий Ватер в боях у Корсунь-Шевченковского в январе 1944 г. во время передачи по оконной установке был ранен в обе ноги и оказался в окружении. Он оставил поврежденную «звучовку» и взялся за пулемет, отстреливался до последнего патрона. Он был схвачен эсэсовцами из дивизии «Викинг» и тогда снова стал пропагандистом, — убеждал их в безнадежности и преступности войны, которую они ведут. Его повесили. Когда надевали петлю, он кричал: «Вас обманывают! Вы погибаете зря! Смерть Гитлеру, да здравствует Советский Союз и Свободная Германия, да здравствует мир и дружба народов!..» Некоторые из рядовых эсэсовцев, свидетелей казни Ю. Ватера, потом добровольно сдались в плен и рассказали об этом.

Наши «соседи» на Ленинградском фронте издавали множество разнообразных листовок для немецких солдат и моряков немецкого флота, действовавшего в Балтийском море. Автором нескольких десятков отличных листовок, звуковых передач и обращений по радио был Всеволод Вишневский, его тексты переводил на немецкий язык критик, литературовед и лингвист Владимир Адмони. В других случаях он сам писал листовки — уже непосредственно по-немецки.

Вс. Вишневский умел на малом пространстве короткой листовки сосредоточить мощный заряд убедительной и темпераментной пропагандистской информации.

Так, в листовке «Генерал-лейтенант Дитмар и фельдфебель Шустер» (1943) он просто сопоставил цитаты из хвастливого письма фельдфебеля-танкиста, цитаты из речи известного гитлеровского военного радиокomentатора генерала Дитмара и конкретные факты — сообщения о разгроме немецких армий на Курской дуге, которые к тому времени были уже известны и в Германии, — но сопоставил так, что это стало неопровержимым доказательством лживости всей гитлеровской пропаганды.

Так же страстно и точно он аргументирует, так же умело использует общеизвестные факты в листовках «Что должен знать немецкий солдат под Ленинградом», «Что знают ваши наблюдатели и радисты», в радиообращениях к немецким морякам «Это случилось в июне» (о потоплении миноносца), «Общий сигнал: в кильватер» и др.

«Кому поставить памятник?» — озаглавил Вс. Вишневский листовку, которую открывает сообщение шведской газеты о том, что германское правительство все еще не востребовало заказанный в Швеции в начале войны гранит для памятников победы. Этот факт, естественно, возбуждает воспоминания о том, как начиналась война и как совсем по-иному развивается. Листовка заканчивается предложением использовать этот гранит для памятников тем храбрым немцам, которые выступят против Гитлера и тем самым спасут Германию от катастрофического и постыдного поражения.

В 1944 г. в состав 2 Белорусского фронта входила 33 армия, в политотделе которой работал драматург Дмитрий Щеглов. Он был автором десятков листовок и звуковых передач. О своей работе он написал книгу «Три тире» («Советский писатель», 1963). В ней он правдиво и обстоятельно рассказал о том, как фронтовые пропагандисты упорно и смело пробивали те часто почти неприметные тропинки, по которым в самую толщу гитлеровской армии проникала правда, ускорявшая поражение фашизма.

Многие листовки Д. Щеглова — это маленькие литературные произведения, интересно задуманные и исполненные, воплотившие живое единство мысли — образа — слова.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ ОБРАЩАЕТСЯ ПО РАДИО К НЕМЕЦКИМ СОЛДАТАМ

Фотография. Сталинградский фронт, январь 1943 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Так, например, используя слова немецкого генерала Дрешера, командира 267 пехотной дивизии, который в речи к солдатам сказал, что «скоро будет легче», Щеглов остроумно обыгрывает эти слова и доказывает немецким солдатам, что им действительно станет легче, когда они покинут фронт и сдадутся в плен.

Листовка, озаглавленная «Темной ночью над Сожем», — живая сценка, разговор немецких солдат на передовой, один из них потом становится перебежчиком. Эта листовка — яркий пример того, как плодотворен был профессиональный опыт Щеглова-драматурга для его пропагандистской работы.

2

В этой борьбе против фашизма, которая велась оружием слова, очень большое значение — во многих случаях почти решающее — имела боевая работа наших немецких друзей и, прежде всего, деятельность немецких писателей-антифашистов.

Хочу рассказать здесь о тех, кого знал лично, и прежде всего о тех фактах, которые запечатлелись в уцелевших старых записных книжках. Это не исторический обзор, не попытка исчерпывающего исследования, а только заметки из давних дневников.

...Эриха Вайнерта я встретил на второй или на третий день войны; он шел по Ордынке, как всегда приметный уже издали. Седеющие, густые и длинные волосы оттягивали назад лобастую широкую голову; красноватый загар выделялся над снежно-белым широким отложным воротником шиллеровской рубашки... Завидев меня, он приложил палец к губам, поднял предостерегающе руку, мол, не говори. Приблизившись вплотную, зашептал весело и озабоченно:

— Не говори громко по-немецки... Меня уже три раза мальчишки водили в милицию...

Он решительно отверг сочувствие.

— Так и надо. Война... Ты еще не понимаешь, что это значит война... В четырнадцатом году во всех воюющих странах началась чудовищная эпидемия шпиономании... Но беспечность не лучше. В Испании фашистские лазутчики бродили по нашим тылам как дома. Ты, конечно, на фронт?.. Скоро?.. Я подал заявление в первый же час... Бредель тоже... Вот она та война, которой мы столько ждали. Боялись и ждали...

В те первые дни в Москве неведомо как распространился слух, будто наши самолеты уже бомбили Берлин, а наши войска, отбросив гитлеровцев, заняли Варшаву, наступают в Восточной Пруссии... Очень многим хотелось, чтобы так было. Очень многие выросли, твердо незыблемо веря, что «если завтра война», то... «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, коротким ударом»...

Горький опыт трехмесячной зимней войны в Финляндии казался печально нелепым, но случайным просчетом. В следующий раз уж наверное умнее будем. Самураев на Халхин-Голе как били, а они вояки почище немцев...

Вайнерт слушал мои разглагольствования обо всем этом внимательно и грустно...

— Хорошо, если бы так. Очень хорошо. Но, боюсь, что ты упрощаешь, не представляешь себе, что такое современная война — война техники, огромных массовых армий, война индустриальная и научная... Окончательный исход, разумеется, предрешен... Фашизм не может победить, социализм не может быть побежден... Напав на Советский Союз, гитлеровцы обрекли себя на гибель... Это все несомненно. Но война будет очень трудной... И потребует, вероятно, больше времени, чем это хотелось бы — чем кажется сегодня. И больше жертв... Нужно готовиться к трудным, жестоким битвам, к разрушениям, к страданиям... Нужно быть готовым к самым большим напряжениям, к самым суровым испытаниям... Нужно готовиться всерьез. Лишь так можно будет их выдержать...

Тогда он мне показался вдруг старым, излишне осторожным, наивным и даже — «все-таки иностранцем». Я не стал с ним спорить, но был убежден, что время опровергнет его мрачные предчувствия: Спросил, что он собирается делать.

— Мы с Бределем настойчиво просим, чтоб нас послали на фронт в Действующую армию. У нас ведь есть и свежий испанский опыт.

Потом я часто вспоминал этот разговор. Насколько трезвее, реальней уже тогда видел Вайнерт то, чего я не мог, не хотел увидеть.

Когда через месяц я уезжал на фронт и хотел проститься с Вайнертом и Бределем, ни того ни другого не смог застать дома. Они работали дни и ночи. От общих знакомых знал, что «занимаются пропагандой». Тогда еще смутно представлял себе, как именно и где.

В сентябре 1941 г., уже на фронте, я увидел эту пропаганду «в действии». Нам прислали из Москвы пачку листовок со стихотворением Вайнерта «Подумай о твоём ребенке...» Потом мы получили много других листовок с его стихами. Вайнертовские поэтические обращения к немецким солдатам — мелодические простые слова и внятно высказанные мысли, прозрачно ясные стихи — горячо и настойчиво говорили правду о действительном смысле войны, о действительных интересах солдат, их родных, всей Германии...

Эти листовки мы находили потом в немецких окопах, в карманах солдатских курток, их предьявляли нам пленные и перебежчики.

Стихи Вайнерта до самых последних дней войны оставались в ряду

ЛИСТОВКА ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ

Выпущена после разгрома гитлеровских армий под Сталинградом. Февраль 1943 г.

Слева — рисунок из фашистской газеты «Die Wehrmacht», изображающий «подвиги» немецкой армии в Сталинграде. Справа — фотографии Паулюса и других немецких генералов, взятых в плен под Сталинградом. Стихотворный текст Эриха Вайнерта: «Так было задумано для тех, кто дома. Художник должен приспособиться. — «Так обстоит дело в действительности. Фотография не может лгать»

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

наиболее надежных и эффективных средств, которые применялись, чтобы сообщить немецким солдатам правду о войне, чтобы ослабить и разрушить губительную гипнотическую власть фашистской пропаганды и вязкую силу, многолетнюю инерцию воинской дисциплины, подавлявшей сознание и волю военнослужащих вермахта.

15 декабря 1944 г. в газете «Свободная Германия» (ЦО «Национального Комитета Свободная Германия») был опубликован подробный отчет ефрейтора Альберта Дана, антифашиста, который в течение нескольких ночей непосредственно разговаривал с солдатами немецкого стрелкового отделения на одном участке, где окопы нашего боевого охранения оказались близки к немецким окопам.

В этом отчете есть такой раздел.

«Один из солдат крикнул: „Ты знаешь стихи Эриха Вайнерта?“

Я сказал: „Да“

Тот же солдат: „Я тоже. У меня есть друг, который меня просвещал. От него я узнал эти стихи“.

Он прочел наизусть „Скоростной судья“, „Если у тебя есть мать“ и еще несколько.

Другой солдат: „Мы все знаем о нем. У нас есть такое желание: передай Эриху Вайнерту привет от нас, скажи ему, что есть еще много честных немцев...“»

Прощаясь с Даном, солдаты снова напомнили просьбу передать привет Вайнерту.

Летом 1942 г. я приехал на несколько дней с фронта в Москву и встретился с Бределем; он жил тогда в гостинице «Советская» на улице Разина и работал вместе с Вайнертом, Фридрихом Вольфом, Артуром Пиком и Альфредом Куреллой над листовками, газетами, радиопередачами...

Вилли выглядел необычно: он похудел и побледнел. Но как прежде, — неумоимо подвижный, с тем же веселым блестящим быстрых лукавых глаз и быстрой речью, — он набросился на меня с расспросами, прерывая их сердитыми жалобами на то, что его не пускают на фронт. Он требовал подробных рассказов.

— Только не надо, хотя бы вначале, общих рассуждений, анализов, обобщенных выводов... Не надо во всемирных, всеармейских масштабах... Рассказывай просто о людях, все что можешь об одной дивизии, лучше о полке, еще лучше о батальоне, о роте, — совсем хорошо об отделении. Но главное о людях... О таком-то солдате, ефрейторе, лейтенанте... Но всё-всё, и побольше фактов... Твои наблюдения и размышления потом, а сначала давай, что они говорят, что пишут... Будем идти от конкретного к абстрактному, от частного к общему... Вот ведь как нелепо, не пускают ни Эриха, ни меня — говорят: «Бережем». Но ведь это же обида — такая забота... Мы ведь солдаты партии. Сейчас такая война... Наша война. Еще больше наша, чем в Испании. Каково нам сидеть вот так на диване и только читать и писать... Нелепо! Обидно! А, может быть, не доверяют нам. Все-таки немцы. Нет, не может быть... Я одному нытику так и сказал — не может быть... Нам обещали, скоро поедem. Пока не буду в окопе, не понимаю настоящего фронта, не успокоюсь. Хочу, чтоб плечо в плечо с красноармейцами, чтоб глаза в глаза с земляками в гитлеровских мушкетерах... Там и слова найдутся для них получше, настоящие слова, такие, чтоб точно в цель... Ну так рассказывай... Какие там части, из каких областей Германии?... Гамбургцев не встречал?..

Среди многих эпизодов я рассказал ему один, непосредственно связанный с ним. Добровольно сдались в плен несколько солдат 2 роты 48 полка 12 пехотной дивизии — остатки стрелкового отделения вместе с временным командиром ефрейтором Ионни Шенфельдтом. Он был гамбургцем, т. е. земляком Тельмана и Бределя, помнил еще догитлеровские времена, когда его отец и старшие братья голосовали за коммунистов. Уверения в былых симпатиях к коммунистам приходилось слышать от многих пленных немецких солдат. И не всегда они были правдивыми. Проверая достоверность рассказов говорливого гамбургца разными «хитрыми» вопросами, спросили мы его, кого именно из гамбургских коммунистов он видел лично... Он назвал несколько имен, в том числе и Вилли Бределя. Его переспросили: «Этo такой высокий, тощий?» — «Что вы, что вы, — ефрейтор заморгал растерянно, — он коротыш, скорее даже толстый и такой... как груть... И писал здорово... У нас дома была его книга: название как название фабрики... Сейчас вспомню... Машиностроительная фабрика и еще какие-то инициалы, но буквы забыл. Но могу рассказать содержание. Про нас книга, про гамбургских рабочих... всё, как в жизни...»

Он стал вспоминать содержание первого романа Бределя «Машиностроительный завод Н. и К.»

Когда я рассказал об этом Вилли, он с трудом сдерживал волнение. Вскочил, прошелся несколько раз по тесной комнате.

«Значит, помнят еще земляки... Все-таки помнят. И даже книгу помнят... А ведь мои книги сжигали тогда, в мае 1933 года. В концлагере говорил мне начальник эсэсовец: „Пройдет год-другой, о тебе ни одна ворона не закаркает — забудут твои писания“... А оказывается, помнят. Вот видишь, почему мне необходимо, понимаешь, как необходимо быть на фронте...»

...То были очень трудные дни. Пали Ростов и Новочеркасск. Армии Паулюса и Манштейна рвались к Волге, Кубани. Берлинское радио почти ежедневно передавало фанфарные сигналы, возвещавшие очередное победное сообщение... И у нас на Северо-Западном настроение было невеселым. Шли яростные изнурительные «бои местного значения» — погибали сотни, тысячи солдат, истекали кровью, чтобы захватить или удержать рошу «Единица» или высоту «Перчатка». Сомнительным утешением было то, что и немцы несли не меньшие, чаще всего даже еще большие потери... Деревню Васильевщина между реками Пола и Ловать немецкие солдаты называли «Маленький Севастополь».

Вилли Бредель в это проклятое лето 1942 г., в самые тревожные дни думал только о том, как бы скорее добраться до фронта.

— Вот-вот наступит решающий перелом! Вот-вот начнутся главные бои. Под Москвой это была только увертюра... А где будут решающие бои? — Не знаю, я не стратег, — может быть, на Волге или на Кубани, или в горах Кавказа, или даже на Урале... Ты прости, я понимаю, тебе это нелегко так предполагать — родная земля, родные люди... Ведь, я так же чувствую... Я люблю Гамбург... Думаешь, легко слышать, как его бомбят, как он горит, асфальт горит на мостовых... Тысячи людей медленно умирают в засыпанных бомбоубежищах, понимаешь, медленно умирают. И ведь там-то как раз больше всего не нацистов, а простых людей, обыкновенных гамбургцев... есть и наши люди, и такие, как этот ефрейтор-перебежчик. Я люблю Гамбург, но я так же люблю и Мадрид, и Москву, и Барселону, и Ленинград. Верь, так же люблю... Они ведь и мои города... И люди там мне такие же родные, как тебе... Больно за них. Очень больно... Но вопреки боли — нет, не вопреки, а вместе с этой болью — чувствую, понимаешь, чувствую, кончиками всех нервов: скоро, скоро главная битва и с нею наша победа.

Вайнерт грустно и добро улыбнулся, когда я напомнил ему о прошлогоднем разговоре и признался в своих тогдашних мыслях. Говорил он неторопливо; думал вслух.

«Тогда ты и не мог рассуждать иначе... Есть понимание, которое дается только опытом — непосредственным опытом, личным и коллективным... Военный опыт не заменить никакими книгами, уроками, поучениями. Это как плавать — чтоб научиться, нужно войти в воду... Никакие теоретические занятия и упражнения на суше не сделают тебя пловцом... Но теперь, надеюсь, ты не усомнишься, когда я скажу тебе, что сегодня настроен куда оптимистичнее, чем год тому назад... Да-да, и это вовсе не парадокс, не желание утешить себя и других. Я совершенно согласен с Вилли по существу. Ты говоришь, он ссылается на чутье, на интуицию... Что ж, можно это назвать и так, но только ведь наша интуиция растет из опыта... У меня опыта побольше, я старше Вилли и еще в ту войну воевал, унтер-офицером был. Так вот, это наш опыт — опыт немцев и коммунистов, опыт солдат и политработников — внушает нам сегодня интуитивную, и уже не только интуитивную, уверенность. В прошлом году мы еще ничего не знали, не видели, не могли предчувствовать, как именно пойдет война. Жили только размышлениями, надеждами... А сегодня мы

уже испытали самое худшее... Нет, я не оговорился, я убежден, что самое худшее позади. Самое худшее было прошлой осенью, когда у Красной Армии не было еще опыта наступлений, побед, а только опыт отступлений, поражений... Отступить труднее, чем наступать. Пойми меня правильно: отдельно солдату, может быть, и легче удирать подальше от противника, — легче, чем идти вперед навстречу пулям... Но армии в целом труднее сохраниться в отступлении. Бегство, паника просто уничтожают лучшую армию, уничтожают как армию, решительнее, чем все бомбы и пушки.

Так вот это самое трудное испытание Красная Армия выдержала. Отлично выдержала. Я говорил уже со многими пленными. Как бывший солдат я их расспрашивал по-солдатски. Из всего, что рассказывают они, из гитлеровских официальных материалов, из самих фактов сегодня очевидно: гитлеровская империя обречена погибнуть именно здесь в России, под ударами Красной Армии... Сегодня еще нам трудно, еще возможны тяжкие, очень тяжкие потери и поражения... Нельзя гарантировать, что они не ворвутся в Ленинград, не дойдут до Волги и даже до Кавказа, до Урала... Это все еще возможно... Но главное в том, что теперь красноармейцы умеют уже не только отступать, но и наступать и знают это. И немецкие солдаты это знают. А они-то ведь всё дальше и дальше от родины... И надежды на победу, на скорый конец войны у них становятся всё слабее... И они уже начинают понимать, как опасен, как губелен для них каждый новый шаг в глубь России. Недаром они всё чаще поминают Наполеона. Да, сегодня мы можем быть уверены в том, что решающий поворот близок. И что он произойдет здесь, на Востоке. Там, на Западе, только периферия войны: бои в Африке, воздушные бомбардировки. Если даже англичане и американцы высадятся во Франции, то теперь это уже будет иметь лишь вспомогательное военное значение, — скорее даже политическое значение...»

В конце 1942 г. Бредель и Вайнерт добились, наконец, своего. Они выехали на фронт у Сталинграда в группе Вальтера Ульбрихта. Это была первая организованная группа немецких коммунистов, действовавшая непосредственно на передовой. Ульбрихт, Бредель, Вайнерт и другие, сопровождавшие их, товарищи беседовали с пленными и перебежчиками, выступали у окопных микрофонов, составляли листовки, обращения к определенным частям. Впервые немецкие писатели смогли непосредственно участвовать в той напряженной боевой пропагандистской работе, которая спасла жизнь десяткам тысяч немецких солдат в Сталинградском «котле» и, сократив бессмысленное самоубийственное сопротивление армии Паулюса, ускорила нашу решающую победу, уменьшила и наши потери...

Через полгода, летом 1943 г., в одном из подмосковных лагерей военнопленных был создан «Национальный Комитет Свободная Германия». Его организаторами были немецкие политэмигранты и антифашистски настроенные военнопленные солдаты и офицеры, позднее к ним примкнуло и несколько генералов. Собрались представители самых различных общественных групп и разных мировоззрений: коммунисты, социалисты, либеральные демократы, католики, протестанты, даже умеренные националисты. И хотя коммунисты не составляли большинства в Национальном Комитете, но его участники единогласно выбрали президентом поэта-коммуниста Эриха Вайнерта.

Членами президиума Комитета были избраны писатели Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Фридрих Вольф.

Каждый из них нашел себе место в боевом строю единого антифашистского фронта.

ИОГАННЕС БЕХЕР (слева) и ЭРИХ ВАЙНЕРТ (в центре) РАЗГОВАРИВАЮТ
С ПЛЕННЫМ НЕМЕЦКИМ ГЕНЕРАЛОМ

Фотография, лето 1943 г.

Союз немецких писателей, Берлин

Бехер писал стихи, памфлеты, статьи, воззвания, редактировал пропагандистские и литературные издания для фронта и тыла.

Бредель и Вольф работали на фронтах, в лагерях военнопленных, в руководящих организациях Национального Комитета, они писали рассказы, очерки, листовки, тексты для звуковых передач, выступали у окопных микрофонов, беседовали с пленными и перебежчиками, день за днем кропотливо, упорно пропагандировали, воспитывали, спорили, просвещали. Они воевали с нацизмом за умы и души обманутых, развращенных и поработанных им людей, разбивали заскоруждые оболочки предрассудков, смывали ядовитую слизь шовинистического высокомерия, бредовых расистских представлений о мире и войне, о судьбах Германии и человечества. И одновременно, в ходе своей боевой работы, они изучали персонажей своих будущих книг, тех книг, которые потом в свою очередь становились оружием правды, надежным оружием в борьбе за мир и социализм.

Они продолжали писать, ни на день не прерывая напряженной военно-политической работы пропагандистов, организаторов, редакторов, наставников и вербовщиков антифашистского национального фронта.

Успешно работали все жившие в те годы у нас немецкие писатели-антифашисты.

Адам Шаррер закончил и опубликовал в 1942 г. одну из своих лучших книг — роман «Пастух из Раувейлера», написал в 1943 г. короткую повесть «Ландскнехт» и ряд рассказов. Теодор Пливье именно в ту пору, — т. е., когда он еще активно участвовал в борьбе против фашизма, сотрудничал во фронтовых пропагандистских изданиях и газете для военнопленных, — создал лучшую из своих книг — роман «Сталинград». Клара Блюм, Гуго Гушперт, Франц Лешницер, Максимилиан Шик переводили

на немецкий язык стихи русских классиков и советских поэтов, стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Ахматовой, Маяковского, Есенина, Багрицкого, Твардовского, Суркова, Алигер, Симонова, писали оригинальные стихотворные тексты для фронтовой пропаганды.

Издававшиеся у нас на немецком языке газета «Свободное слово» (с 1943 г. называлась «Свободная Германия») и журналы: «Интернациональная литература», «Фронтовые иллюстрации», а также книги, брошюры, сборники и листовки Национального Комитета стали трибунами и для немецких писателей-антифашистов, живших в других странах.

Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф (США), Анна Зегерс и Людвиг Ренн (Мексика), Арнольд Цвейг (Палестина) неоднократно использовали возможности, предоставляемые им советскими друзьями, чтоб обращаться к немецким солдатам и населению Германии.

Участие немецких писателей в Отечественной войне народов Советского Союза было полезным для общего нашего правого дела. Художественной прозой и стихами, боевой публицистикой и непосредственно воспитательной, пропагандистской работой они содействовали морально-политическому разгрому фашистских войск и глубоких тылов гитлеровской империи. В то же время боевая деятельность литераторов была необычайно полезна и для их собственного творческого развития, она стала одной из ярких и славных страниц в истории немецкой литературы.

Эрих Вайнерт говорил в речи, открывавшей первое учредительное собрание Национального Комитета: «Пусть каждый из нас спросит себя: всегда ли и всем ли я служу делу моего народа? Буду ли я достойным бойцом в этой борьбе? Буду ли я действовать так, чтобы мой народ мог потом сказать обо мне: он был одним из самых верных в ту пору, когда нужно было спасти отечество от величайшего унижения?»

Он сам и его друзья ответили на эти вопросы; ответили всем своим творчеством, всей жизнью и всем, что сделали в годы войны.

Оружие слова во второй мировой войне имело очень большое значение, пожалуй, много большее, чем во всех прежних войнах, — слово помогало нам побеждать фашистские войска на фронтах. Но существенная особенность именно этого рода оружия заключается в том, что оно должно было действовать и в тылах, в лагерях военнопленных и даже после войны не было сдано в арсеналы. Более того, побежденные оружием слова противники нередко становятся друзьями, союзниками и полноправными участниками победы.

Так, сегодня не только в ГДР, Румынии и Венгрии, но и в ФРГ, в Италии, Финляндии, Японии есть у нас тысячи друзей из числа тех, кто некогда были побеждены словом правды и после этого сами стали ее бойцами.